

Мониторинг судебной практики по вопросам антикоррупционной экспертизы и перспективы ее развития

Южаков В. Н., Ефремов А. А.¹

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, уголовный процесс, административное судопроизводство, коррупциогенные факторы, коррупция, противодействие коррупции, судебные решения, судебная экспертиза.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа потребности, практики и возможностей активизации участия судов в снижении коррупциогенности российского законодательства. Потребность участия в решении этой задачи и его активизации обусловлена недостаточной результативностью действующего механизма антикоррупционной экспертизы.

Выявлены концептуальные и правовые основы и ограничения участия судов в решении вопросов проведения антикоррупционной экспертизы.

Приведены результаты проведенного авторами контент-анализа в объеме свыше 4300 судебных решений по вопросам антикоррупционной экспертизы судов общей юрисдикции и оценка судебной практики по этим вопросам. Большинство судебных решений по вопросам антикоррупционной экспертизы (45,2%) касаются признания незаконного не проведения антикоррупционной экспертизы органами местного самоуправления и обязывания к ее проведению. Крайне невысок уровень выявления коррупциогенных факторов судами самостоятельно. Единичны решения, в которых суды предписывают конкретные способы устранения коррупциогенных факторов (1,72% от общего числа рассмотренных судебных решений). В целом суды не рассматривают содержащиеся в законодательстве коррупциогенные факторы в качестве обстоятельств, способствующих правонарушениям коррупционной направленности.

Авторами предложены два варианта технологии активизации участия судов в снижении коррупциогенности законодательства, предусматривающие как использование существующих механизмов, в первую очередь, частных определений об устранении причин и условий, способствовавших совершению коррупционных правонарушений, так и внесение изменений в процессуальное законодательство, расширяющих правовые возможности участия судов в снижении коррупциогенности законодательства.

Статья подготовлена на основе НИР, проведенной в РАНХиГС в 2016 году.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-27-33

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее также – антикоррупционная экспертиза; АЭ НПА) является законодательно установленным инструментом профилактики коррупции и совершенствования нормотворчества.

К настоящему времени накоплен большой опыт проведения АЭ НПА на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В частности, в 2015 году органами прокуратуры Российской Федерации проведена антикоррупционная экспертиза более 916 тыс. нормативных правовых актов (в

2014 году – 848 тыс.). Выявлено более 45 тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы (в 2014 году – 43 тыс.). В первом полугодии 2016 года прокуроры провели антикоррупционную экспертизу более 503 тыс. нормативных правовых актов (в первом полугодии 2015 года – более 445 тыс. актов). Выявлено почти 33,5 тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы (в первом полугодии 2015 года – 28,5 тыс.).

Вместе с тем, ориентация законодательства об АЭ НПА, национальных планов противодействия коррупции на деятельность преимущественно органов исполнительной власти и прокуратуры не позво-

¹ Южаков Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, директор и главный научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

Ефремов Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: efremov-a@ranepa.ru

ляет в полной мере реализовать потенциал АЭ НПА, а также обеспечить системное снижение коррупционности российского законодательства. Приведенные выше цифры свидетельствуют о росте числа выявляемых коррупционных факторов до 6,7% в 1 полугодии 2016 г. по сравнению с 2014 г. (5%).

Указанные обстоятельства связаны, на наш взгляд, в том числе, с недостаточно активной ролью судов в применении АЭ НПА и в поддержке ими ее применения в целях снижения коррупционности российского законодательства в целом.

Эта ситуация, на наш взгляд, не соответствует современным научным концепциям антикоррупционной политики, которые исходят из необходимости ее осуществления всеми органами системы государственной власти.

По мнению В.В. Астанина, «в России эффективное формирование и реализация антикоррупционной политики традиционно основывались на тесной связи правотворчества и правоприменения» [1].

Мамитова Н.В. определяет антикоррупционную политику как скоординированную деятельность всех органов государственной власти и структур гражданского общества, направленную на искоренение коррупции в обществе, развитие антикоррупционного сознания, на укрепление законности, проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [3, с. 88-92].

При этом в современных научных исследованиях значение судебной практики для определения и реализации антикоррупционной политики, как и для укрепления законности и развития правовой системы РФ определяется тем, что судебная практика – не только средство обеспечения единообразного применения закона в типовых ситуациях разрешения споров о праве, но и в более широком смысле – индикатор фактического состояния правовой системы, указатель направлений ее совершенствования [7], а соотношение положений судебной практики и материального права определяется тем обстоятельством, что судебная практика может предвосхищать новые законодательные установления, так как суды первые выявляют и разрабатывают новые или неурегулированные юридические вопросы, которые законодательная власть впоследствии закрепляет в виде положений закона [6]. По мнению М.Н. Придворовой, судебная практика является наиболее эффективным способом устранения коллизий и пробелов в действующем законодательстве [6].

Тем самым, судебная практика, являясь важным инструментом совершенствования нормотворчества, концептуально имеет и значительный

потенциал для выявления и устранения коррупционных факторов в российском законодательстве.

По мнению С.В. Никитина [4], судебный нормоконтроль рассматривается как самостоятельное направление в реализации контрольной функции судебной власти, выступая средством «сдерживания» органов законодательной и исполнительной власти от незаконного (неправомерного) нормотворчества. Одновременно судебный нормоконтроль является одним из способов осуществления правоохранительной функции судебной власти, а также эффективным средством разрешения противоречий в нормативно-правовой системе государства [4].

Анализ принципов противодействия коррупции и антикоррупционной экспертизы, а также принципов и задач судопроизводства позволяет сделать вывод об имеющемся потенциале повышения роли судов в выявлении и устранении коррупционных факторов. Действующие процессуальные кодексы и постановления Пленумов Верховного Суда РФ ориентируют суды на выявление обстоятельств, способствовавших совершению правонарушений, достаточно определенно.

В целом, правовыми основаниями существующей практики участия судов в реализации законодательства об АЭ НПА являются:

– нормы административного процессуального законодательства (ранее – гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства), устанавливающие процедуры судебного нормоконтроля;

– возможность обжалования действий (бездействий) органов власти;

– положения постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, ориентирующие суды на вынесение частных определений об устранении причин и условий, способствовавших проявлениям коррупции.

Для сбора информации о количестве, географическом распределении и содержании судебных решений проведен анализ решений в различных системах правовой информации.

Для отбора соответствующих судебных решений было установлено допущение о наличии в тексте термина «коррупционный фактор», поскольку использование иных терминов – «коррупция», «антикоррупционная экспертиза» повлияло бы на выборку соответствующих решений, как правило, связанных с общими организационными вопросами противодействия коррупции и антикоррупционной экспертизы, а не выявления и устранения конкретных коррупционных факторов.

Для проведения анализа практик участия российских судов в выявлении, признании и устранении коррупционных факторов в российских нормативных правовых актах и их проектах, в том

числе в рамках проведения АЭ НПА использован ресурс <http://sudact.ru> – база судебных решений всех судов Российской Федерации.

Указанная база включает в себя подразделы (по состоянию на 01.11.2016):

Верховный Суд РФ – 93 197 судебных актов;
Арбитражные суды – 51 821 754 судебных актов;
Суды общей юрисдикции – 21 159 138 судебных актов;

Мировые судьи – 20 865 441 судебный акт.

Поиск решений с использованием фильтра применяемого нормативного правового акта «антикоррупционной экспертизе» позволяет найти только единичные решения:

Верховный Суд РФ – 0 судебных актов;
Арбитражные суды – 1 судебный акт;
Суды общей юрисдикции – 1 судебный акт;
Мировые судьи – 0 судебных актов.

Для отбора соответствующих судебных решений было установлено допущение о наличии в тексте термина «коррупционный фактор»

По состоянию на 01.11.2016 в указанной базе содержится 4759 решений судов общей юрисдикции, в которых употребляется термин «коррупционный фактор».

В ходе анализа данное значение было уточнено путем исключения решений, в которых термин «коррупционный фактор» не используется (используется термин «фактор» и т.п.), и оно составило 4392 решения.

При этом количество решений серьезно варьируется в зависимости от судебной инстанции:

– первая инстанция – 3963;
– апелляция – 253;
– кассация – 130;
– надзор – 8;
– пересмотр – 38.

Такой количественный разрыв позволяет сделать вывод о том, что :

– выявление и, тем более, устранение коррупционных факторов не является самостоятельной целью при осуществлении правосудия, представляя из себя «побочный», факультативный элемент при рассмотрении отдельных судебных дел;

– имеет место низкая активность сторон процесса в дальнейшем обжаловании решений.

Географическое распределение решений по субъектам РФ отражено в наших публикациях [8, 9].

Хронологически (с момента вступления в силу ФЗ об АЭ НПА) указанные решения распределяются следующим образом:

2009 г. – 2 решения;
2010 г. – 225 решений;
2011 г. – 1072 решения;
2012 г. – 1012 решений;

2013 г. – 614 решений;

2014 г. – 669 решений;

2015 г. – 657 решений;

2016 г. (01.11.2016) – 141 решение.

Резкое (практически 2-кратное) сокращение количества решений в 2013-2015 г.г. по сравнению с 2011-2012 г.г. обусловлено характером данных решений. В 2011-2012 г.г. их подавляющая часть была связана с признанием незаконными бездействий органов власти (местного самоуправления) по не проведению АЭ НПА.

Выявление коррупционных факторов как самостоятельный элемент мотивировочной части решения суда является достаточно редким.

В научных исследованиях по гражданскому и арбитражному процессу отмечается, что мотивировочная часть служит средством демонстрации установленных судом обстоятельств с указанием на доказательства, на которых основаны выводы о фактах, с объяснением, почему одни доказательства судом приняты, а другие отвергнуты; аргументации относительно правовой квалификации установленных фактов, с приведением суждений, объясняющих выбор судом подлежащей применению нормы права, а при необходимости и её толкование применительно к установленным обстоятельствам соответствующего дела. Содержание мотивировочной части дела делает его понятным, логичным и убедительным, служит средством самоконтроля судей, постановляющих решение, а также помогает осуществить и упростить проверку правомерности решения [5].

Мотивированность как требование, предъявляемое к судебному решению, означает обязательность наличия в нем исчерпывающе аргументированных выводов суда о результатах оценки доказательств и установленных на их основании фактах [5].

Таким образом, определенная российским законодательством, научной доктриной и практикой правоприменения нацеленность судов на оценку представленных доказательств делает маловероятным самостоятельный вывод суда о наличии коррупционных факторов, если указанные обстоятельства не заявлялись сторонами процесса.

Однако в отдельных решениях указание на наличие коррупционных факторов имеется именно в мотивировочной части.

Например, в решении Заринского городского суда Алтайского края по делу № 2-*/2010 указано, что «с учетом установленных по делу обстоятельств, суд считает требования прокурора о незаконности указанных выше пунктов обоснованными и подлежащими удовлетворению. Суд исходит из того, что в оспариваемом нормативном правовом акте в пункте 2.3 введен общий – неопределенный и неконкретизированный перечень документов, при-

лагаемый к заявлению гражданина. В пункте 3 введена норма позволяющая не указывать время получения документов, соответственно не позволяющая проследить порядок, очередность предоставления документов. В пункте 6 оспариваемого акта введено ограничение предусмотренного действующим законодательством субъекта права на отказ в принятии граждан на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий. Неопределенность требований выражается в том, что не понятно какой категории граждан и с какими документами необходимо обращаться для постановки на учет, по каким причинам может быть произведен отказ. *Неопределенность свидетельствует о наличии коррупционного фактора* – отсутствие четких и понятных для правоприменителей норм, что создает возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае, нарушает принципы равенства и верховенства закона».

В Решении № М-2410/2013 2-2629/2013 2-2629/2013~М-2410/2013 от 19 августа 2013 г. Ковровский городской суд (Владимирская область) указал, что «В соответствии с постановлением Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов нормативно правовых актов» от <дата><№> коррупционным фактором, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, является принятие нормативного правового акта за пределами компетенции.

Поскольку оспариваемая норма муниципального акта не соответствует требованиям федерального и регионального законодательства, содержит коррупционный фактор, суд находит требования прокурора подлежащими удовлетворению».

Аналогичные правовые позиции содержатся еще в 5 решениях данного суда (Решение № М-2738/2013 2-2968/2013 2-2968/2013~М-2738/2013 от 8 августа 2013 г.; Решение № М-2737/2013 2-2966/2013 2-2966/2013~М-2737/2013 от 8 августа 2013 г.; Решение № М-2736/2013 2-2967/2013 2-2967/2013~М-2736/2013 от 8 августа 2013 г.; Решение № 2-2503/2013 2-2503/2013~М-2287/2013 М-2287/2013 от 5 июля 2013 г.; Решение № 2-2504/2013 2-2504/2013~М-2288/2013 М-2288/2013 от 5 июня 2013 г.)

Признание наличия коррупционных факторов как основание для признания нормативного правового акта недействующими является распространенным видом судебной практики.

Как правило, указанные судебные дела (до 15.09.2015 они рассматривались в соответствии с нормами ГПК РФ, а после вступления в силу КАС РФ – в соответствии с нормами последнего) ини-

цируются по заявлению (с 15.09.2015 – административному иску) прокуроров.

При этом указание прокурора (или иного участника процесса) на наличие коррупционных факторов само по себе не является основанием для признания нормативного правового акта недействующим.

В подавляющем большинстве решений обосновывается взаимосвязь между коррупционными факторами и принципом правовой определенности.

Оспариваемые нормы не отвечает критерию формальной определенности, устанавливает для правоприменителя (налоговых органов) необоснованную широту дискреционных полномочий.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 25 постановления от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», проверяя содержание оспариваемого акта или его части, необходимо выяснять, является ли оно определенным. Если оспариваемый акт или его часть вызывает неоднозначное толкование, суд не вправе устранять эту неопределенность путем обяания в решении органа или должностного лица внести в акт изменения или дополнения, поскольку такие действия суда будут являться нарушением компетенции органа или должностного лица, принявшего данный правовой акт. В этом случае оспариваемый акт в такой редакции признается недействующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения.

Количественные данные о состоянии судебной практики по признанию коррупционных факторов по субъектам РФ предоставлены в наших публикациях [8,9].

Вместе с тем, имеются и решения, в которых взаимосвязь принципа правовой определенности и коррупционных факторов является недостаточной для признания нормативного правового акта недействующим.

Например, в Решении № 2-9560/2013 М-8283/2013 2-1075/2014(2-9560/2013;)~М-8283/2013 2-1075/2014 от 24 февраля 2014 г. Центральный районный суд г. Волгограда (Волгоградская область) указал, что «Оспаривая приведенные положения прокурором указано, что в Правилах выявлены коррупционные факторы, выраженные в неопределенности принятия решений по вопросам согласования проектов благоустройства в силу отсутствия нормативного регулирования, предъявляются завышенные, неопределенные, трудновыполнимые требования к лицу, имеющему намерение осуществить мероприятия по благоустройству, не определено понятие «приобъектной территории». Вместе с тем, положениями главы 24 ГПК РФ, принятым на её основании разъяснениями Пленума

Верховного Суда РФ, не предусмотрено возможности признания нормативного акта не действующим в связи с выявлением коррупционных факторов. Отсутствуют такие условия и в законодательстве о противодействии коррупции».

Аналогичная позиция имеется у судов и по фактам непроведения антикоррупционной экспертизы.

Например, в Определении № 33-3289/2012 от 4 апреля 2012 г. по делу № 33-3289/2012 Волгоградский областной суд (Волгоградская область) указал, что «факт того, что оспариваемое постановление антикоррупционной экспертизе не подвергалось, сам себе недействительности его не влечет. При наличии на то оснований по инициативе заинтересованных лиц либо прокурора его легитимность может быть проверена вне зависимости от результатов антикоррупционной экспертизы».

Согласно ч. 2 ст. 215 КАС РФ по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта судом принимается одно из следующих решений:

1) об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части признается не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и не действующим полностью или в части со дня его принятия или с иной определенной судом даты;

2) об отказе в удовлетворении заявленных требований, если оспариваемый полностью или в части нормативный правовой акт признается соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу.

Согласно ст. 216 КАС РФ в случае признания судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части этот акт или его отдельные положения не могут применяться с указанной судом даты.

В случае признания судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части не могут применяться также нормативные правовые акты, которые имеют меньшую юридическую силу и воспроизводят содержание нормативного правового акта, признанного не действующим полностью или в части, либо на нем основаны и из него вытекают.

Решение суда о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части не может быть преодолено повторным принятием такого же акта.

В случае, если в связи с признанием судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части выявлена недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных

интересов неопределенного круга лиц, суд вправе возложить на орган государственной власти, орган местного самоуправления, иной орган, уполномоченную организацию или должностное лицо, принявшие оспариваемый нормативный правовой акт, обязанность принять новый нормативный правовой акт, заменяющий нормативный правовой акт, признанный не действующим полностью или в части.

Ранее действовавшие нормы ГПК РФ и АПК РФ содержали аналогичные по сути положения.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении №48 от 29 ноября 2007 года «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» разъяснил, что при проверке содержания оспариваемого акта или его части, суд не вправе устранять эту неопределенность путём обязанности органа или должностного лица внести в акт изменения или дополнения, поскольку такие действия суда будут являться нарушением компетенции органа или должностного лица, принявших данный нормативный правовой акт. В этом случае оспариваемый акт в такой редакции признаётся недействующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения (пункт 25).

Вместе с тем, имеются решения, в которых суды предписывают конкретные способы устранения коррупционных факторов, однако формулирование самим судом требований об устранении коррупционных факторов в целом по РФ носит единичный характер (1,72% от общего числа судебных решений).

Наибольшее распространение получила практика признания незаконным бездействия органов власти и обязывании провести АЭ НПА.

Количественные данные по судебной практике об обязывании органов власти провести АЭ НПА по субъектам РФ приведены в наших публикациях [8, 9].

В целом по РФ таких решений 1987, что составляет 45,2%. Данный показатель свидетельствует о массовом неисполнении федерального закона об АЭ НПА органами местного самоуправления в РФ.

При этом в судебном решении может конкретизироваться срок проведения (от 10 дней до 3 месяцев, в большинстве случаев – 1 месяц).

Важно отметить, что указанная практика формально противоречит требованиям ФЗ об АЭ НПА, поскольку разработчики проводят АЭ именно проектов НПА.

Проведенный анализ судебной практики показал отсутствие как соответствующих правовых позиций судов об ответственности субъектов, проводивших АЭ НПА, так и соответствующих частных определений судов об устранении причин и

условий, способствующих неустранению на этапе разработке проекта НПА или его государственной регистрации, а также последующей АЭ НПА органами прокуратуры коррупционных факторов.

По нашему мнению, участие судов в снижении коррупционности законодательства может быть более активным. При этом развитие судебной практики по вопросам АЭ НПА, как и в целом активизация участия судов в снижении коррупционности российского законодательства возможна в двух взаимосвязанных вариантах.

Первый вариант («мягкая» технология активизации участия судов в снижении коррупционности законодательства) предполагает принятие ряда организационно-правовых мер в рамках существующих норм законодательства о противодействии коррупции и об АЭ НПА, процессуальных кодексов и постановлений Пленума Верховного Суда РФ. К этим организационно-правовым мерам относятся:

1) Определение активизации участия судов в снижении коррупционности российского законодательства в качестве одной из стратегических целей антикоррупционной политики в определяющих ее стратегических документах.

Данная мера может быть реализована путем закрепления данной цели в Национальной стратегии противодействия коррупции (утв. Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460) и текущем (и последующих) национальных планах противодействия коррупции.

2) Определение судов в качестве субъектов противодействия коррупции, в том числе в части работы по снижению коррупционности российского законодательства.

В настоящее время Национальная стратегия противодействия коррупции не выделяет суды в качестве субъектов, в чьих планах противодействия коррупции должны отражаться меры по реализации данной Стратегии.

В современных научных исследованиях разработка типового плана противодействия коррупции в суде также отнесена к обеспечению единых подходов к решению вопросов по профилактике коррупции *в самих судах* [2, с. 13].

Соответственно, на практике в настоящее время судами (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ) инициативно принимаются планы противодействия коррупции. План противодействия коррупции принят в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации (утв. приказом Судебного департамента при Верховном суде РФ 31.12.2015 № 411). На уровне субъектов РФ его структурно и содержательно повторяют, например, План противодействия коррупции в Верховном Суде Республики Северная Осетия-Алания

на 2016 год, утв. Председателем Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания 25 января 2016 г., План противодействия коррупции в Ростовском областном суде на 2016 год, утв. Председателем Ростовского областного суда 03 марта 2016 г.).

В целом мероприятия данных планов направлены на предупреждение коррупции самими судьями и государственными гражданскими служащими аппарата суда, и не связаны с активизацией участия судов в снижении коррупционности законодательства.

На наш взгляд, для активизации роли судов в снижении коррупционности российского законодательства целесообразно дополнить п. 4 и п.п. «г» п. 7 Национальной стратегии противодействия коррупции указанием на «планы судов по противодействию коррупции на соответствующий период, реализующие стратегические цели противодействия коррупции», в том числе в части снижения коррупционности российского законодательства.

3) Проведение организационных и методических мероприятий в рамках организации судебной практики:

- обобщение существующей судебной практики;
- публикация специального тематического обзора судебной практики по участию судов в снижении коррупционности российского законодательства Верховным Судом РФ;

- проведение специальных методических совещаний с судьями, в том числе заседаний квалификационных коллегий судей по рассмотрению данного вопроса;

- организация мониторинга судебной практики по участию судов в снижении коррупционности российского законодательства Верховным Судом РФ;
- проведение регулярных совещаний по итогам мониторинга (ежеквартально, ежегодно).

4) Корректировка постановлений Пленума Верховного Суда РФ в части расширения практики вынесения судами частных определений (постановлений) по устранению причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений в различных сферах, а также причин и условий неэффективной реализации законодательства об антикоррупционной экспертизе субъектами, ее проводящими.

5) Широкое освещение положительной судебной практики по снижению коррупционности законодательства в СМИ, а также формирование специализированных информационных ресурсов (баз данных, сайтов) по такой практике.

Реализация указанных мер позволит повысить мотивацию к участию судебной власти в снижении коррупционности российского законодательства.

Второй вариант («интенсивная» технология активизации участия судов в снижении коррупци-

огенности законодательства) предусматривает разработку и внесение изменений и дополнений в существующие правовые механизмы проведения антикоррупционной экспертизы и соответствующие стадии судебных процессов. К этим изменениям и дополнениям относятся:

1. Изменение механизмов проведения антикоррупционной экспертизы, включающее:

- законодательное определение суда как субъекта, осуществляющего оценку и анализ коррупционности нормативных правовых актов;
- определение процедур взаимодействия суда с иными субъектами антикоррупционной экспертизы;
- определение правовых последствий и механизмов реализации судебных решений по устранению коррупционных факторов.

2. Изменение процедур в рамках судебных процессов, которое должно быть конкретизировано применительно к каждому виду судопроизводства.

2.1. В рамках производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов должны быть обеспечены:

- расширение оснований для подачи административного иска (наличие коррупционных факторов как самостоятельное основание);
- расширение оснований для привлечения к участию в процессе органов прокуратуры и иных субъектов антикоррупционной экспертизы;
- определение механизма проведения антикоррупционной экспертизы в ходе процесса, в том числе привлечения соответствующих экспертов;
- изменение правовых норм, препятствующих проведению судебной экспертизы по вопросам права (в том числе наличия или отсутствия коррупционных факторов)

– определение правовых последствий и механизмов реализации судебных решений по устранению коррупционных факторов.

2.2. В рамках гражданского и арбитражного процессов должны быть обеспечены:

- определение процедур, осуществляемых судом при заявлении сторон о наличии в НПА, подлежащих применению в конкретном деле, коррупционных факторов;
- введение обязанности суда по выявлению в подлежащем применению по делу нормативном правовом акте коррупционных факторов;
- введение обязанности (а не права) суда по вынесению частных определений (постановлений) по устранению причин и условий, способствующих проявлению коррупции и специального контроля за исполнением указанных определений (постановлений).

2.3. В рамках уголовного процесса должны быть обеспечены:

- определение процедур, осуществляемых судом при выявлении коррупционных факторов;
- введение обязанности (а не права) суда по вынесению частных определений (постановлений) по устранению причин и условий, способствующих проявлению коррупции и специального контроля за исполнением указанных определений (постановлений).

Совокупность указанных изменений процессуальных кодексов РФ позволит снять существующие правовые ограничения и создать правовые основания для более активного участия судов в применении законодательства об АЭ НПА и в целом в работе по снижению коррупционности российского законодательства при рассмотрении ими административных, гражданских и уголовных дел.

Литература

1. Астанин В.В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики // Мониторинг правоприменения. 2016. №3. С. 4–8.
2. Бухарев А.В. Теоретико-правовые аспекты организационно-управленческой деятельности по профилактике коррупции в районных судах Российской Федерации: автореф. дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2016. 31 с.
3. Мамитова Н.В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 88–92.
4. Никитин С.В. Судебный нормоконтроль в гражданском процессе и арбитражном процессе: вопросы теории и практики: автореф.дисс. доктора юрид. наук. М., 2010.
5. Пономаренко В.А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дисс.канд. юрид.наук. М., 2007.
6. Придворова М.Н. Судебная практика в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. канд. юрид. наук. 2003. URL: <http://www.disscat.com/content/sudebnaya-praktika-v-pravovoi-sisteme-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 01.11.2016)
7. Соловьев В.Ю. Судебная практика в российской правовой системе: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. 2003. URL: <http://www.disscat.com/content/sudebnaya-praktika-v-rossiiskoi-pravovoi-sisteme> (дата обращения: 01.11.2016)
8. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Развитие судебной практики по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Журнал юридических исследований. 2016. Т. 1. № 3. С. 13.
9. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Судебная практика по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: современные тенденции и пути совершенствования // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. №10. С. 23–29.